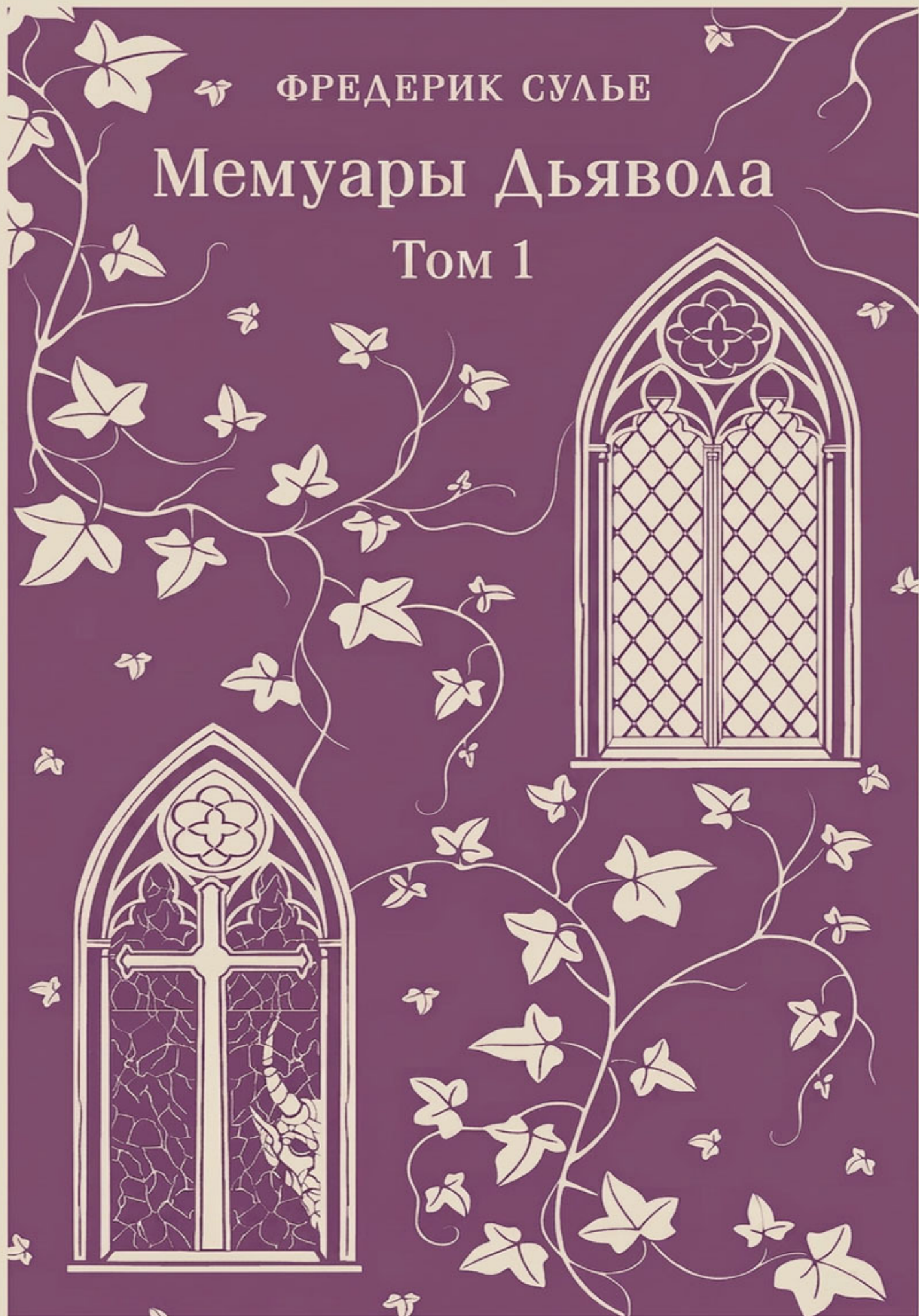

ФРЕДЕРИК СУЛЬЕ

Мемуары Дьявола

Том 1

Магистраль. Главный тренд

Фредерик Сулье

Мемуары Дьявола. Том первый

«ЭКСМО»

1838

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Сулье Ф.

Мемуары Дьявола. Том первый / Ф. Сулье — «Эксмо»,
1838 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-256529-8

Первый том мистического романа «Мемуары дьявола». Молодой барон Франсуа Арман де Луицци приезжает в родовой замок, чтобы заключить сделку с Дьяволом. В отличие от предков, жаждавших власти или богатства, он просит у Сатаны способность узнавать сокровенные тайны окружающих. Цена ошибки – душа. Барон покидает замок с намерением использовать знание о слабостях людей для достижения счастья. Фредерик Сулье – французский писатель, драматург и журналист эпохи романтизма, один из самых ярких и недооценённых литераторов своего времени. При жизни он соперничал в популярности с такими авторами, как Александр Дюма и Оноре де Бальзак, однако его имя сегодня известно меньше, чем имена его знаменитых современников.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-256529-8

© Сулье Ф., 1838
© Эксмо, 1838

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Фредерик Сулье
Мемуары Дьявола
Том первый

Frédéric Soulié
LES MÉMOIRES DU DIABLE

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2025

© Пахсарьян Н. Т., статья, комментарии, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава I

Замок Ронкероль

Первого января 181... года¹ барон Франсуа Арман де Луицци сидел у камина в своем замке Ронкероль². Уже лет двадцать я не видел замка, но помню его прекрасно. В отличие от большинства феодальных цитаделей он располагался на дне долины; угловые башни соединялись расположенными квадратом строениями; над башнями и строениями возвышались острые шиферные крыши, что весьма редко встречается на Пиренеях³.

Когда вы смотрели на замок с высоты окружающих холмов, из-за этих крыш он казался городком XVI или XVII века, ничем не напоминая крепость, возведенную в 1327 году.

Ребенком я частенько наведывался в замок; никогда не забуду, какое восхищение вызвали во мне широкие плиты, устилавшие чердачные помещения, где мы играли. В ту пору, когда Ронкероль служил крепостью, эти массивные плиты, жалким подобием которых были полы в моем собственном доме, покрывали плоскую крышу; позднее, не тронув первоначального здания, над ними надстроили островерхую кровлю, подобно той, что можно увидеть над Венсенскими воротами⁴.

Века почти не тронули замок, и, поскольку сегодня нам известно, что из всех прочных материалов железо наименее долговечно, не стану утверждать, что Ронкероль казался выстроенным из железа, но повторю, что огромный этот замок был действительно в превосходном состоянии. Создавалось впечатление, что некий богатый любитель готики по внезапному капризу только вчера возвел его нетронутые стены, где не раскрошился ни один камень, и разрисовал их цветными арабесками⁵, где не пострадала ни одна линия, ни одна деталь. А меж тем на памяти людей никто никогда не проводил работ по ремонту или поддержанию в порядке стен и помещений замка.

Ронкероль все же претерпел некоторые изменения; самое странное из них бросалось в глаза, если подойти к замку с полуденной стороны. Ни одно из шести окон южного фасада не походило на другое. Первое слева, если стоять лицом к замку, было стрельчатым; тяжелый каменный крест с резко очерченными гранями разделял окно на четыре покрытых витражами проема. Соседнее походило на первое, за исключением витражей, замененных чистыми стеклами со свинцовой решеткой в виде ромбов, заключенных в железные распахивающиеся рамы.

¹ ...181... – Дата «181...» стоит в первом отдельном издании романа. В публикации этого отрывка в «Ревю де Пари» поставлены только первые две цифры (18...). Но, исходя из хронологии романских событий, здесь должен быть обозначен 1820/1821 г. В современном французском издании дата заменена на «182...».

² *Ронкероль*. – Название замка соотносится с реально существующим небольшим селением в департаменте Уаза, но прежде всего оно напоминало читателям о маркизе де Ронкероле – персонаже романа Бальзака «Феррагюс, предводитель деворантов». Роман публиковался отдельными частями в марте – апреле 1833 года в «Ревю де Пари». После этой публикации Бальзак прекратил сотрудничество с названным журналом и вернулся в него только в конце 1835 г., когда сменился директор. Однако сотрудничество вновь было недолгим: опубликовав здесь «Лилию долины», в июне Бальзак начал судебный процесс против «Ревю де Пари». В этом процессе Сулье был в стане противников писателя. Вскоре «Ревю де Пари» предпринимает публикацию «Мемуаров Дьявола». А. Ласкар полагает, что косвенный намек на бальзаковское сочинение продиктован желанием Ф. Сулье показать, что незаменимых романистов нет, и одновременно стремлением вписать собственное произведение в линию романов с фантастическим элементом сюжета.

³ *Пиренеи* – горная система в Испании и Франции, в которой хребты чередуются с довольно широкими межгорными впадинами. В принадлежащей Франции северной части предгорья расположены города департамента Тарб.

⁴ ...над Венсенскими воротами. – Речь идет о воротах замка Венсен – резиденции французских королей, построенной между 1337 и 1370 годами в юго-восточной части Парижа.

⁵ *Арабески* – сложные орнаменты, состоящие из геометрических фигур и растительных деталей – цветов, листьев. Получили распространение в Европе под влиянием мусульманского искусства.

У третьего уже не было ни стрельчатого свода, ни каменного креста. Свод, казалось, замуровали, а солидное столярное сооружение с передвижным переплетом, которое мы позднее окрестили фрамугой, заняло место витража с железными рамками. Четвертое окно защищалось не только двумя переплетами с внутренней и внешней стороны, маленькими стеклами и задвижками, но и выкрашенным красной краской ставнем. Пятое имело один переплет с крупными проемами и зеленую решетку. И наконец, в шестом окне сверкало огромное стекло без зеркальной амальгамы, а за ним виднелись шторы самых ярких цветов. К тому же это окно прикрывалось плотными ставнями. Дальше шла глухая стена. Последнее, шестое, окно явилось взорам обитателей Ронкероля первого января 181... года, на следующее утро после смерти барона Гуго Франсуа де Луицци, отца барона Франсуа Армана де Луицци. Никто не видел, кто это окно пробил и отделал.

Местные предания утверждали, будто все окна появлялись подобным же образом и при похожих обстоятельствах, то есть неизменно на следующее утро после смерти очередного владельца замка, и никто не замечал, чтобы кто-то выполнял хоть малейшую работу. Что несомненно – каждое из этих окон принадлежало спальню комнате, закрывавшейся навсегда в тот момент, когда ее хозяин уходил в мир иной.

Вероятно, если бы владельцы замка жили в нем постоянно, все эти странности весьма возбуждали бы жителей Ронкероля; но уже в течение двух веков каждый новый наследник Луицци появлялся в родовом поместье только на сутки, уезжая затем навсегда. Так поступил когда-то барон Гуго Франсуа; и его сын Франсуа Арман, приехавший первого января 181... года, назначил отъезд на следующее утро.

Привратник узнал о визите хозяина, только увидев его на пороге замка; удивление доброго малого перешло в ужас, когда, вместо того чтобы приказать подготовить покои, новоприбывший уверенно направился к коридору, где располагались таинственные комнаты, о которых мы говорили выше, и, преспокойно вытянув из кармана ключ, открыл им дверь, о существовании которой привратник и не подозревал; она возникла во внутреннем коридоре одновременно с оконным проемом на южном фасаде здания. Двери в коридоре являли такое же разнообразие стилей, как и окна. Последняя была выполнена из палисандра⁶, инкрустированного медью. За ней тянулась глухая стена, точно такая же, как снаружи, там, где заканчивались окна. Между этими двумя голыми непроницаемыми стенами находились, наверное, еще комнаты, предназначенные, несомненно, будущим отпрыскам Луицци. Они, как и грядущее, которому принадлежали, были закрыты и недостижимы. Помещения, которые мы назовем покоями прошлого, оставались запертыми и недоступными, но сохранили отверстия, через которые когда-то в них проникали люди. Только новая спальня, так сказать комната настоящего, была открыта; и первого января в течение целого дня все желающие заходили в нее без помех.

Этот коридор, который, по правде говоря, выглядел некой аллегорией, не внушил Арману де Луицци ничего, кроме ощущения холода и сырости, а потому он приказал развести добрый огонь в беломраморном камине, украшавшем его новую спальню. Он провел здесь весь день, приводя в порядок дела поместья Ронкероль. Подсчеты не отняли у барона много времени: доходы и расходы по Ронкеролю равнялись нулю. Но Арман де Луицци владел в округе несколькими фермами, сроки аренды которых истекли, а потому назрела необходимость в продлении арендных договоров.

Если бы кто-нибудь, помимо фермеров, приглашенных к барону, увидел комнату Армана, то его, несомненно, поразила бы ее элегантность во вкусе «новых»⁷. Спальня была

⁶ Палисандр, палисандровое дерево – окрашенная древесина некоторых южноамериканских пород деревьев, применяющаяся для изготовления дорогой мебели.

⁷ ...элегантность во вкусе «новых». – Имеется в виду известный «спор о „древних“ и „новых“» кон. XVII – нач. XVIII в. Сторонники «новых» в XVIII столетии творили в стиле рококо, и сам рокайльный вкус именовался в ту пору «goût moderne», то есть «новым, современным» вкусом.

обставлена целиком в стиле Людовика XV⁸, то есть весьма вычурной и неудобной мебелью. Хотя несколько старых окрестных домов сохранили оригинальные образчики той эпохи, случилось, что новшества элегантно-Луицци казались старомодной ветошью нашей славной деревенщине, ценившей изысканно-жеманное рококо⁹ новой комнаты Ронкероля куда ниже комода и секретера из красного дерева, которые украшали гостиную супруги местного нотариуса.

Итак, весь день прошел в обсуждении и заключении новых договоров, и только глубоким вечером Арман де Луицци остался один. Как уже было сказано, он сидел в углу у камина; стол, на котором горела единственная свеча, стоял рядом с его креслом. Пока Арман предавался размышлениям, часы пробили полночь, затем половину первого, час и, наконец, половину второго. При последнем ударе часов Луицци встал и начал беспокойно ходить по комнате. Арман был мужчиной высокого роста; непринужденные движения его тела выдавали физическую силу, а решительное выражение лица говорило о силе характера. Меж тем его лихорадило от возбуждения, возраставшего по мере того, как стрелки близились к двум часам. Несколько раз он останавливался, прислушиваясь к чему-то, но ничто пока не нарушало окружавшей его мертвой тишины. Наконец Арман ясно услышал тихий щелчок анкерного спуска¹⁰, который предшествует бою часов. Лицо барона покрыла мертвенная бледность; он застыл в неподвижности и закрыл глаза, словно ему стало плохо. В этот момент тишину разрезал первый удар, казалось, унявший минутную слабость Армана; и, прежде чем часы пробили второй раз, барон схватил маленький серебряный колокольчик, стоявший на столе, сильно потряс им и вымолвил одно-единственное слово: «ПРИДИ!»

Кто угодно может завести себе серебряный колокольчик, кто угодно может трясти им в свое удовольствие хотя бы и в два часа ночи, произнося слово «ПРИДИ!», но, скорее всего, ни с кем не случится того, что произошло с бароном Арманом де Луицци. Колокольчик, которым он тряс изо всех сил, тихо звякнул, издав один-единственный слабый звук, печальный и глухой. В слово «ПРИДИ!» Арман вложил всю свою энергию, как человек, который хочет, чтобы его услышали издалека, и тем не менее его голос, с силой вырвавшийся из груди, не прозвучал с той решительностью и повелительностью, какие барон хотел ему придать; казалось, он произнес только робкую мольбу, едва сорвавшуюся с губ. Результат поразил его самого: на том месте, с которого он только что сошел, появилось некое существо; вполне возможно, то был мужчина, если судить по его уверенному виду; но возможно, и женщина – настолько нежными и изящными казались черты его лица и тело; но, безусловно, то был сам Дьявол, так как он ниоткуда не пришел, а просто явился из воздуха. Одежанием Дьяволу служил халат со спущенными рукавами, ничего не говоривший про пол его обладателя.

Арман де Луицци безмолвно взирал на сей странный персонаж, пока тот удобно устраивался в вольтеровском кресле¹¹ рядом с камином. Вновь прибывший¹² небрежно откинулся на спинку, протянул к огню указательный и большой пальцы белой утонченной руки; пальцы

⁸ *Стиль Людовика XV* – стиль зрелого рококо, господствовавший во времена французского короля Людовика XV (1715–1774) в живописи, интерьере, мебели, одежде. В 1820-х годах он вновь стал очень популярен в Европе и связывался с представлением о стабильности, покое и неге жизни при Старом режиме. Тем самым приятие этого стиля выполняло некую политическую функцию. Либеральные вкусы автора проявляются в насмешке над аристократическими привычками Армана и его предков.

⁹ *...изысканно-жеманное рококо...* – Именно в эпоху романтизма слово «рококо» стало применяться для определения одного из важнейших стилей искусства XVIII века. Однако чаще оно несло в себе негативный оттенок слишком манерного, «дурного» вкуса. Этим синонимом «дурного вкуса» обозначали в романтический период иногда и те стилевые явления, которые принято считать классицистическими. Так, у Бальзака в «Дьявольской комедии» (1830) архитектор демонстрирует Сатане театральный зал, построенный по образцу Парфенона, но заказчик и его помощники высмеивают постройку, восклицая: «Рококо!»

¹⁰ *Анкерный спуск*, анкер – качающаяся вилка, обеспечивающая равномерный ход часового механизма.

¹¹ *Вольтеровское кресло* – удобное мягкое кресло с высокой спинкой, изогнутыми подлокотниками и ножками. В качестве обивки использовались ткани со специфическим узором – крупными яркими цветами на темном фоне.

¹² *Вновь прибывший...* – В «Ревю де Пари» на этом месте стояло: «Дьявол, а это был именно он».

вытянулись до бесконечной длины и словно пинцетом выхватили из камина уголек, и Дьявол, а то был Дьявол собственной персоной, раскурил сигару, которую взял на столе. Едва сделав одну затяжку, он с отвращением отбросил сигару:

– Ну и дрянь же вы курите! У вас что, нет нормальных контрабандных сигар?¹³

Арман промолчал.

– Так отведайте моего табачку, – предложил Дьявол.

Он вытянул из кармана халата небольшой портсигар изысканной работы, достал из него две сигары, прикурил одну из них от уголька, который продолжал держать в руке, и протянул Луици. Арман жестом отказался, на что Дьявол произнес самым непринужденным тоном:

– А! Так вы у нас безгливы... Ну-ну...

И, откинувшись на спинку кресла, он принялся дымить в свое удовольствие и насвистывать танцевальный мотивчик, безо всякого стеснения покачивая в такт головой...

Луици неподвижно застыл, глядя на диковинного черта. Наконец, вооружившись проникновенным отрывистым тоном, словно взятым из речитатива одной из современных трагедий¹⁴, он решился прервать молчание:

– Исчадие ада, я призвал тебя...

– Во-первых, мой дорогой, – перебил его Дьявол, – не знаю, отчего вы мне тыкаете, но явно не от хорошего воспитания. Сия дурная привычка в ходу у тех, кого вы зовете художниками; это знак лживого дружеского расположения, не мешающий, однако, завидовать друг другу, ненавидеть и презирать себе подобных. Такой язык применяют ваши романисты и драматурги для выражения якобы самых высоких страстей¹⁵, но благородным людям он не подходит. Вы не литератор, не художник, а потому я буду вам чрезвычайно обязан, если вы станете говорить со мной как со случайным встречным, что куда более прилично. Хочу заметить также, что, назвав меня исчадием ада, вы повторяете одну из тех глупостей, что распространена во всех известных мне языках. Я точно так же не исчадие ада, как вы – не порождение комнаты, в которой сейчас находитесь.

– Ты тот, кого я звал, – упорствовал Арман, возвысив голос до великой трагической мощи.

Дьявол смерил барона взглядом и с ярко выраженным превосходством протянул:

– А вы наглец. Или вы думаете, что разговариваете со своим лакеем?

– Я обращаюсь к тому, кого считаю своим рабом! – воскликнул Луици, дотронувшись до колокольчика, стоявшего прямо перед ним.

– Как вам будет угодно, господин барон, – усмехнулся Дьявол. – Право слово, вы типичный современный молодой человек, напыщенный и смешной. Раз уж вы уверены, что я вам подчинюсь, то могли бы обращаться ко мне повежливее – это же сущий пустяк. Подобные манеры подошли бы новоявленному богачу, неотесанному выскочке, не представляющему, как глупо он выглядит, когда с важным видом восседает в своей шикарной коляске и воображает, что никто не понимает, кто он есть на самом деле. Но вы, вы же родом из древней фамилии, носите доброе имя, прекрасно выглядите, вам нет нужды выставять себя на смех, вас и так заметят.

¹³ ...нет нормальных контрабандных сигар? – Как уже указывалось (см. примеч. 1), первоначально Ф. Сулье относил начало действия романа к 1810-м годам. Тогда, из-за континентальной блокады Великобритании, введенной Наполеоном в 1806 году и юридически отмененной в 1814 году, хорошие сигары попадали во Францию только контрабандным путем. Если же эта сцена происходит 1 января 1821 года, то реплику Дьявола можно объяснить просто привычкой называть все высокосортные сигары контрабандными.

¹⁴ ...из речитатива одной из современных трагедий... – Напевно-речитативная манера произнесения театральных монологов устанавливается в этот период в противовес академической манере классицизма.

¹⁵ Такой язык... страстей... – Дьявол, по-видимому, критикует здесь напыщенность слога эпигонов классицизма, довольно многочисленных во Франции в начале XIX столетия. Как будет видно далее, автор достаточно часто передоверяет собственные литературно-критические суждения этому персонажу.

– Дьявол читает мне нравоучения! Странно и...

– Не пытайтесь вести дискуссию как пастор¹⁶ и приписывать мне глупости, чтобы затем с блеском их опровергнуть. Я никого не учу добродетели – это развлечение я оставляю мошенникам и неверным женам; я ненавижу и порицаю тех, кто смешон. Если бы Небо наградило меня детьми, я скорее согласился бы наделить их двумя пороками, чем придать хоть одну смешотворную черту.

– Уж ты-то знаешь в этом толк!

– Ну не больше, чем самый добродетельный парижский обыватель. Использовать пороки – не значит их иметь. Утверждать, что Дьявол сам страдает от пороков, было бы равносильно предположению, что врач, живущий за счет ваших недугов, и сам болен, адвокат, который жиреет на ваших тяжбах, сам вечно судится, а судья, получающий деньги за наказание преступников, – убийца.

Во время этого диалога ни сверхъестественное существо, ни Арман де Луицци не сдвинулись с места. Луицци изо всех сил пытался скрыть свою растерянность и никак не мог перейти к тому, чего, собственно, хотел. Но постепенно он справился с волнением и удивлением, вызванным видом и манерами собеседника, и решил перевести разговор на, несомненно, более важную для него тему. Придвинув второе кресло, он уселся по другую сторону от камина и внимательно всмотрелся в лицо Дьявола. Теперь Арман сполна оценил тонкие черты и изящество сложения своего гостя. Тем не менее, если бы он не знал, что перед ним Сатана, то не сумел бы определить, принадлежит ли этот бледный прекрасный лик и хрупкое тело восемнадцатилетнему юноше, которого сжигают неведомые желания, или искушенной в наслаждениях женщине тридцати лет¹⁷. Голос мог бы показаться слишком низким для женщины, если бы мы не изобрели когда-то контральто¹⁸, так сказать, женский бас, обещающий куда больше, чем дающий. Взгляд, который обыкновенно выдает наши помыслы, если только не служит орудием проникновения в чужие мысли, был нем. Глаза Дьявола не говорили ничего – они примечали. Арман молча закончил осмотр и, убедившись, что состязание в остроумии с этим непостижимым созданием не принесет ему успеха, взялся за серебряный колокольчик и звякнул им еще раз.

Услышав приказ (а то был именно он), Дьявол встал и застыл перед бароном в позе слуги, ожидающего повелений хозяина. Это движение произошло в долю секунды, но полностью переменяло облик и костюм нечистого. Фантастическое существо исчезло; на его месте стоял посиневший от беспробудного пьянства дюжий верзила в ливрее и красном жилете, со здоровенными кривыми ручищами в простых белых перчатках и грубыми ножищами в больших башмаках на босу ногу.

– А вот и я-с, – представился новый персонаж.

– Кто ты такой? – возмутился Арман, уязвленный его дерзким и подлым видом, характерным для французской прислуги.

– Я не лакей Сатаны и не совершаю ничего сверх того, что приказано, но исполняю все, что велено.

– Какого черта ты делаешь здесь?

– Жду приказаний-с.

– Ты знаешь, для чего я тебя вызвал?

¹⁶ *Не пытайтесь вести дискуссию как пастор...* – Автор употребляет в этом месте слово «ministre», обозначающее именно служителя протестантской церкви, пастора, стремясь, очевидно, подчеркнуть особую склонность сторонников Реформированной церкви к теологическим спорам. В «Ревю де Пари» фраза была несколько иной: «Не будем вести дискуссии как пасторы».

¹⁷ *...принадлежит ли этот... лик... восемнадцатилетнему юноше... или искушенной в наслаждениях женщине тридцати лет.* – Андрогинность – «родовая» черта Дьявола, замечает А. Ласкар. Он подчеркивает также, что, в отличие от Сулье, у Балзака «тридцатилетняя женщина» скорее искушена в несчастьях, чем в наслаждениях.

¹⁸ *Контральто* – низкий женский голос; в опере певицы, обладающие контральто, исполняют, в частности, партии юношей.

- Нет-с.
- Ты лжешь!
- Да-с.
- Как тебя зовут?
- Как вам будет угодно-с.
- Тебе что, не дали имени при крещении?

Дьявол не шелохнулся; но весь замок, от флюгера до подземелий, казалось, захохотал самым неприличным образом. Арману стало страшно, и, чтобы скрыть свой испуг, он пришел в ярость – способ столь же известный, как и пение.

- Так отвечай же наконец, есть у тебя имя или нет?

– У меня их столько, сколько пожелаете. Я могу служить под любым именем. Один аристократ в эмиграции, приняв меня на службу в тысяча восемьсот четырнадцатом году, назвал меня Брутом¹⁹, лишь бы в моем лице вволю поливать бранью Республику²⁰. Затем я попал к одному академику, переделавшему мое прежнее имя Пьер в более литературное Кремень²¹. И пока господин в салоне занимался чтением вслух, меня прогоняли спать в прихожую. Биржевой маклер, нанявший меня после того, от всей души нарек меня Жюлем только потому, что так звали любовника его жены; этому рогоносцу доставляло неописуемое удовольствие кричать при своей ненаглядной женушке что-нибудь вроде: «А! Этот тупорылый хряк Жюль! Этот грязный ублюдок Жюль!» Я ушел от него по собственной воле, устав терпеть незаслуженные, так сказать, фидеикомисс²², оскорбления. И я поступил в услужение к танцовщице, содержавшей пэра Франции.

- Ты хочешь сказать, к пэру Франции, содержавшему танцовщицу?

– Я хочу сказать только то, что сказал. Это довольно малоизвестная история; я вам расскажу ее как-нибудь на досуге, если вы решите написать трактат о человеческих добродетелях.

- Ты опять взялся за нравоучения?

- В качестве слуги я делаю минимум того, что могу.

- Так ты мой слуга?

– Пришлось. Я пробовал явиться перед вами в другом звании; так вы разговаривали со мной как с лакеем. Мне не удалось убедить вас быть более учтивым, и вот я перед вами в том непотребном виде²³, какого вы, безусловно, желали. Вы что-то хотели мне приказать, милсдарь?

- Да-да, в самом деле... Но я хотел бы также спросить совета.

– Позвольте вам заметить, хозяин, что советоваться с прислугой – это что-то из комедии семнадцатого века²⁴.

- Ты-то откуда знаешь?

¹⁹ *Брут* Марк Юний (85–42 до н. э.) – римский политический деятель, племянник Катона, сторонник республиканского правления, участвовал в заговоре против Юлия Цезаря и, по преданию, одним из первых нанес ему удар кинжалом. Имя Брута стало нарицательным обозначением не только тираноборца, но и коварного друга, от которого не ожидаешь предательства.

²⁰ *Республика*. – Имеется в виду политический режим во Франции от момента свержения королевской династии (21 сентября 1792 года) до провозглашения Империи (18 мая 1804 года).

²¹ ...переделавшему... *Пьер в более литературное Кремень*. – В подлиннике автор обыгрывает *Pierre* (Пьер) и *la pierre* (фр. камень, кремень). Имя Пьер (Петр) происходит от греческого слова «petra» – каменная глыба, скала.

²² *Фидеикомисс* – термин римского права, обозначающий поручение наследнику от завещателя передать третьему лицу часть завещаемого имущества.

²³ ...в том непотребном виде... – В оригинале стоит слово «insolenté», которое переводится как «наглый, хамский», но при этом маркируется как устаревшее. А. Ласкар замечает, что Сулье изображает здесь дьявола пассаистом, хотя тот вечен и не принадлежит какому-то определенному времени.

²⁴ ...советоваться с прислугой – это что-то из комедии семнадцатого века. – В самом деле, именно в XVII веке во французской комедии фигура умного, ловкого слуги, помощника и советчика своего господина, начинает активно выдвигаться на первый план (см., напр., «Проделки Скапена» и другие комедии Мольера). Свое блестящее завершение подобный персонаж найдет в комедии конца XVIII столетия – «Севильском цирюльнике» и особенно в «Женитьбе Фигаро» Бомарше.

– Из журнальных статей...

– Ты читал их? Прекрасно! И что ты о них думаешь?

– Почему это я должен что-то думать о людях, которые не умеют думать?

Луицци вновь умолк, вдруг обнаружив, что и с этим типом, как с его предшественником, ему не удалось ни на йоту приблизиться к своей цели. Он дотронулся до колокольчика, но, прежде чем позвонить, предупредил:

– Хотя ты и сохраняешь силу ума в разных обличьях, мне не по вкусу обсуждать с тобой желанную мне тему, пока ты пребываешь в таком виде. Ты можешь сменить его?

– Я весь к вашим услугам, милсдарь.

– Вернись к первоначальному облику!

– При одном маленьком условии: если вы дадите мне монетку из той мошны, что перед вами...

Арман взглянул на стол и увидел не замеченный им до сих пор кошелек. Он открыл его и достал одну монету. На бесценном металле сияла надпись: ОДИН МЕСЯЦ ЖИЗНИ БАРОНА ФРАНСУА АРМАНА ДЕ ЛУИЦЦИ. Арман тут же понял тайну необычной денежной единицы и бросил монету обратно в кошелек, который показался ему довольно тяжелым, а потому вызвал невольную улыбку.

– Я не могу так дорого платить за какой-то каприз.

– Что это вдруг вы стали таким скрягой?

– Почему «вдруг»?

– А потому что вы бросались горстями этих монет, чтобы достичь меньшего, чем просите сейчас.

– Что-то я такого не припомню.

– Если бы вы позволили представить вам счет, то увидели бы, что ни одного месяца вашей жизни не потратили на что-либо разумное.

– Очень даже может быть, но я хоть жил...

– Это смотря какой смысл вкладывать в слово «жить».

– А разве есть несколько?

– Их два; и они диаметрально противоположны. Для большинства людей жить – значит приспособливаться к требованиям окружающей среды. И того, кто живет таким образом, в детстве зовут «милым дитятей»; когда он достигает зрелости – «славным малым», а когда состарится – просто «добряком». Все эти три прозвища имеют один общий синоним: глупец.

– По-твоему, я жил как глупец?

– Да-с; и вы считаете, по-видимому, точно так же, ибо прибыли в этот замок, чтобы сменить образ жизни, чтобы вложить в нее новый смысл...

– И какой же? Ты можешь описать его поточнее?

– Это и есть предмет предстоящей нам сделки...

– Нам? Ну нет! – прервал Арман Дьявола. – Не хочу никаких сделок с такой образиной. Мне в высшей степени отвратительна твоя мерзкая рожа...

– Что ж, это вам на руку – кто мало нравится, с тем редко соглашаются. Король, заключающий договор с приятным ему послом, делает опасные уступки; женщина, обговаривающая условия своего падения с симпатичным ей мужчиной, забывает о половине своих обычных условий; папаша, обсуждающий брачный контракт дочери с зятем, который ему по душе, оставляет ему, как правило, возможность впоследствии разорить свою жену. Чтобы не попасть впро-сак, нужно делать дела с неприятными людьми. В таком случае отвращение служит разуму.

– А в данном случае оно послужит твоему изгнанию, – заявил Арман, позвонив магическим колокольчиком, которому подчинялся Дьявол.

Тотчас воплощение Дьявола в ливрее исчезло, как и первое двуполое существо, и Арман узрел на его месте миловидного юношу. Он явно принадлежал к тем людям, кого каждую чет-

верть века называют по-разному, а в наши дни – фешенебельными²⁵. Натянутый, как тетива лука, между подтяжками и штрипками белых панталон, юноша сидел в кресле Армана, положив ноги в лакированных сапогах со шпорами на каминный бордюр. Вообразите к тому же аккуратнейшие перчатки, манжеты с блестящими пуговицами, завернутые на лацканы фрака, монокль в глазу, трость с золотым набалдашником – словом, создавалось полное впечатление, будто близкий приятель заглянул к барону де Луицци на чашку кофе.

Иллюзия была настолько полной, что Арману почудилось, будто юноша ему знаком.

– Кажется, мы где-то встречались?

– Никогда! Я туда не хожу.

– Видимо, я видел вас в лесу верхом на лошади...

– Быть того не может! Я предпочитаю бег трусцой.

– Тогда я видел вас в коляске...

– Ну нет! Я обычно сам правлю.

– А! Черт возьми! Я уверен, мы играли на пару у госпожи...

– Держу пари, что нет!

– Вы еще все время вальсировали с ней...

– Да что вы! Я умею только брыкаться!

– И вы за ней не ухаживали?

– Никогда! Я ухаживаю только за собой.

Луицци почувствовал острое желание вышибить чем-нибудь тяжелым упрямоство из этого господина. Но на помощь пришел здравый смысл, и Арман начал понимать, что никогда не достигнет желанной цели, если будет продолжать пререкаться с Дьяволом, какое бы обличье тот ни принял. И барон решил покончить с этим типом точно так же, как и с предыдущими, и, звякнув еще раз колокольчиком, крикнул:

– Сатана! Слушай меня и повинуйся!

Едва он произнес эти слова, как потустороннее существо, вызванное Арманом, явилось во всей своей зловещей красоте.

Определенно, то был он – падший ангел из поэтических грез. Он обладал болезненной красотой, иссушенной ненавистью, испорченной разгулом страстей, красотой, еще хранившей печать небесного происхождения; однако стоило демону заговорить, как черты лица выдали жизнь, полную пороков и дурных страстей. Среди всех отталкивающих чувств, мелькавших на его лице, преобладало глубокое отвращение. И вместо того, чтобы почтительно подождать, пока барон обратится к нему, Сатана начал первым:

– Я здесь, чтобы выполнить договор, заключенный с твоим родом, согласно которому я должен дать каждому барону де Луицци все, что тот попросит; думаю, ты знаешь условия этого договора.

– Да, – подтвердил Арман. – В обмен на твои услуги через десять лет каждый из нас принадлежит тебе, если только не докажет, что был счастлив.

– И все твои предки, – добавил Сатана, – чтобы ускользнуть от меня в час расплаты, просили меня о том, в чем, как они считали, состояло их счастье.

– И все ошиблись, не так ли?

– Конечно. Они желали денег, славы, знаний, власти; но и власть, и знания, и слава, и деньги сделали их несчастными.

²⁵ ...а в наши дни – фешенебельными. – Автор употребляет здесь пришедшее из английского слово «fashionables» – понятие, ставшее благодаря Бодлеру особенно популярным в середине XIX века и служившее знаком дендизма. Д. Стентон обращает внимание, что формирование типа денди начинается еще в романтическую эпоху, в процессе воспеания сторонниками байронизма «обаяния порока», «демонической привлекательности зла» и в качестве раннего примера денди приводит именно Дьявола Ф. Сулье (см.: Stanton D. C. The aristocrat as art: A study of the «honnête homme» and the «dandy» in 17th and 19th century French literature. N. Y., 1980. P. 148).

- Значит, этот договор только в твою пользу; могу ли я отказаться?
- Можешь.
- И нет ничего, о чем я бы мог тебя попросить и что может сделать человека счастливым?
- Есть.
- Знаю, ты не можешь мне подсказывать; но открой хотя бы, известно ли мне это?
- Да, известно; ты часто сталкиваешься с этим в своей жизни, это проявляется во всех поступках, редко в твоих собственных, довольно часто в чужих; и я утверждаю, что большинство людей может обрести эту возможность счастья без моей помощи.
- Это какое-то нравственное качество? Или что-то материальное?
- Ты задаешь слишком много вопросов. Сделал ли ты свой выбор? Говори же: у меня мало времени.
- Совсем недавно ты никуда не спешил.
- Потому что тогда я был в одном из тысячи своих обличей, в которых я прячусь от самого себя и которые делают мое настоящее более или менее сносным. Я заключаю свое существо в презренную и порочную человеческую оболочку и чувствую, что иду в ногу с веком, и не страдаю от жалкой роли, которую мне приходится играть. Один представитель рода человеческого, став государем маленького королевства Сардиния²⁶, из глупого тщеславия стал подписываться еще и титулом царя Кипра и Иерусалима²⁷. Да, тщеславие может довольствоваться громкими словами, но гордыня требует великих дел, и ты знаешь, что именно она стала причиной моего низвержения; но никогда еще мое достоинство не подвергалось столь тяжким испытаниям. После битвы с Всевышним, после того, как я обвел вокруг пальца столько великих мира сего, вызвал столько страстей, столько катаклизмов, я унизился до постыдного ничтожества грязных интриг и мелких притязаний современной эпохи. Я прячусь от себя самого, чтобы забыть, насколько возможно, чем я стал. Поэтому форма, в которую ты заставил меня воплотиться, мне отвратительна и невыносима. Торопись же; говори, чего ты хочешь.
- Пока не знаю; я рассчитывал на твою помощь.
- Я уже сказал, что это недопустимо.
- Однако ты вправе сделать то, что делал для моих предков; ты можешь обнажить передо мной страсти других людей, их надежды, радости, страдания, тайны бытия; и твои рассказы послужат мне путеводной нитью.
- Все верно; но знай, что твои предки согласились принадлежать мне прежде, чем я начал свои рассказы. Посмотри на этот документ: я пропустил в нем строчку, предназначенную для твоих пожеланий; подпишись внизу, а после того, как выслушаешь меня, вставишь, кем хочешь стать или что хочешь иметь.
- Арман поставил свою подпись и сказал:
- Что ж, я слушаю. Начинай.
- Нет, не так. Величие, к которому меня обязывает теперешний мой вид, скоро наскучит твоему легкомыслию. Вмешиваясь в человеческую жизнь, я принимаю в ней куда большее участие, чем думают люди. Приготовься: я изложу тебе мою историю, а точнее – историю их жизни.
- Сгораю от любопытства.

²⁶ *Королевство Сардиния*. – Существовало как государство с 1720 года по 1861 год и включало в себя северо-западную область Италии Пьемонт и средиземноморский остров Сардиния.

²⁷ ...стал подписываться... *титулом царя Кипра и Иерусалима*. – Престолы созданных крестоносцами в XI веке государств – Кипра и Иерусалимского королевства – были чисто номинальными. Ричард I Львиное Сердце присвоил титул их короля знатному французскому крестоносцу Ги де Лузиньяну. После образования Сардинского королевства (см. примеч. 26) его короли вплоть до Виктора Эммануэля II (1849–1861) провозглашали себя наследниками титула де Лузиньяна. Возможно, Ф. Сулье критикует в данном случае позицию короля Пьемонта Карла Альберта – единственного из европейских монархов, кто пытался оказать поддержку герцогине Беррийской в попытке реставрации во Франции Старого режима в 1832 году.

– Сбереги это чувство – ибо, вызвав меня на откровенность, тебе придется выслушивать все, до самого конца. Или же отказаться, но ценой монеты из кошелька...

– Хорошо, но если мне придется для этого пребывать все время в одном определенном месте...

– Можешь ехать куда тебе заблагорассудится; как только ты меня позовешь, я тут же явлюсь, где бы ты ни был. Но лишь здесь, в замке, ты имеешь право видеть мое подлинное лицо.

– Вправе ли я изложить на бумаге все, что ты мне расскажешь?

– Да.

– И раскрыть твои тайны?

– Сколько угодно.

– Издать их?

– Они будут изданы.

– Подписать твоим именем?

– Да, на обложке будет мое имя.

– Так когда мы начнем?

– Когда ты позвонишь в колокольчик, в любом месте, в любое время, по какому бы то ни было поводу. Но запомни, начиная с этого дня у тебя есть десять лет²⁸, чтобы сделать свой выбор.

Часы пробили трижды, и Дьявол исчез. Арман остался один. Кошелек с днями его жизни лежал на столе. Барон хотел было сосчитать монеты, но не смог развязать узел и лег спать, бережно спрятав кошелек под подушку.

²⁸ ...у тебя есть десять лет... – В журнальной публикации этого отрывка стояла другая цифра: «У тебя только два года». Очевидно, что фабула разрасталась по мере сочинения Ф. Сулье романа и потребовала раздвинуть временные рамки.

Глава II

Три визита²⁹

На следующее утро Луицци покинул Ронкероль. Хотя Дьявол и дал ему довольно долгий срок на поиски путей к счастью, он действовал как человек, у которого есть неотложные планы, и торопился попасть в Тулузу, чтобы затем немедленно отбыть в Париж. Париж – огромная ловушка для тех, кто считает, что жить надо в свое удовольствие. Париж – словно дырявая бочка Данаид³⁰; люди отдают ему заблуждения юности, надежды зрелых лет и сожаления седых волос; он поглощает все, не отдавая ничего. О юноши, которых судьба еще не привела в его ненасытную утробу, если вашему живому воображению необходимы дни веры и тишины, любовные грезы, устремленные к небу; если вам кажется, что самое прекрасное на свете – привязаться всей душой к возлюбленной, чтобы с обожанием следовать за ней всю жизнь; ах! не приезжайте в Париж! – так как красавица введет вашу душу в великосветский ад, где ваши соперники будут давать оскорбительные клятвы в верности, нагло усмехаясь в лицо той, на которую вы взираете с колен, и ведя с ней легкомысленные, беззаботные беседы, вызывающие у нее улыбку, тогда как вы трепещете, едва осмеливаясь вымолвить слово.

Нет, не приезжайте в Париж, если в вашем сердце звучит гармония вечной песни ангелов; не рассыпайте перед толпой секреты иступленного вдохновения, в котором душа оплакивает радости, о которых она только мечтает, зная, что они возможны только на небе; вы отдадитесь на суд критиков, которые откусят вам руки, протянутые ввысь, и читателей, которые насмеются над недоступным им полетом вашей мысли!

Нет, тысячу раз нет, и не думайте о Париже, если вас мучит жажда святой славы! Сопровитесь изо всех сил этому соблазну; вы потеряете больше чем упования – вы утратите ясность и целомудрие разума.

Ибо ваш разум стремится лишь к возвышенным заботам гения, к чистому, священному гимну прекрасному, к искреннему и торжественному возвеличиванию истины; ошибка, молодые люди, ошибка! После первой пробы пера вы будете ждать внимания публики к ладному и честному слову, но вместо этого увидите, что ее привлекают непристойные анекдоты пошлых писак, истерические бредни бумагомарак, страшные истории из криминальной хроники; вы услышите, как публика, эта старая развратница, смеется над невинностью вашей музыки и, осквернив ее распутным поцелуем, велит: «Ну-с, куртизанка, убирайся или же развлекай; давай что-нибудь остренькое и жгучее, оживи мои притупившиеся ощущения; расскажи о жутких кровосмешениях и чудовищных изменах, об ужасающих вакханалиях страстей и преступлениях; говори же, я уделю тебе часок – за это время твое едкое ядовитое перо должно разбудить мою огрубевшую или загнившую чувственность; а иначе – умолкни, умри в нищете и безвестности».

Слышите, молодые люди: нищета и безвестность. Нищета – порок, наказуемый презрением, и попытка безвестностью, то есть ссылкой подальше от солнца, а ведь вы из тех, кто так нуждается в его тепле, чтобы душа не покрылась ледяной коркой. Мрак нищеты и безвестно-

²⁹ Эта глава начинается с рассуждений писателя о вкусах современной ему читающей публики, а также о задачах и характере его повествования. Сулье намеренно вводит эти рассуждения в основной текст романа, считая, что читатели ненавидят предисловия. Так он поступил и в «Гипнотизере» (1834). Тот же прием А. Ласкар обнаруживает в «Отце Горио» Бальзака.

³⁰ Данаиды (греч. миф.) – пятьдесят дочерей царя Дана, против воли ставшие женами своих двоюродных братьев Египтиадов и заколовшие их в брачную ночь. Единственный уцелевший по милости жены брат в свою очередь убивает Данаид. В Аиде они несут вечное наказание: пытаются наполнить водой дырявую бочку.

сти – не хотите ли, молодые люди? Нет? Тогда берите перо, лист бумаги, пишите заголовок «Мемуары Дьявола» и крикните своему веку: «А! Так ты хотел чего-нибудь соленого, чтобы поразвлечься? Да будет так, милостивый государь, вот кусочек твоей истории».

Да хранит нас Бог от двух вещей, за которые извинило бы нас общество, но не простили бы себе мы сами; упаси нас, Боже, от лжи и безнравственности! К чему обман? Разве действительность не смешнее и порочнее наших выдумок? Сильные и слабые мира сего наслаждаются безнравственностью во мраке одиночества; великосветские дамы и гризетки³¹ одинаково млеют от аморальных книжонок, только одна прячет их в будуаре, а другая – на чердаке; и, когда их совесть вместе с книгой скрывается под шелковой подушкой или в соломенном тюфяке, они ругают и презирают того, кто поболтал с ними минутку об их сладчайшем позоре. Все женщины поступают с безнравственным сочинением, как маркиза из «Опасных связей»³² с Превалем³³; они отдаются всей душой... а потом звонят слугам, чтобы те спустили с лестницы дерзкого мерзавца, который хотел их изнасиловать. Да убережет нас Господь если не от греха, то от лжи! Остаться в дураках – последняя глупость в эпоху, когда успех является первой рекомендацией. И повесть наша будет правдивой и нравственной, и не наша вина, если она одним не польстит, а иных и оскорбит.

Увы! Когда несчастный Луици пересказал нам все откровенные признания Дьявола, дабы они послужили уроком тем, кого природа сотворила столь же доверчивым и слабым, как и он, опустошающие разочарования все еще не убили в нем веру и надежду, и, вовсе не усомнившись в добродетели, он заподозрил Дьявола в неискренности. Дьявол завлекал его, стремясь убедить. Чтобы нам не пойти по пути Луици, мы сразу свидетельствуем, что все, о чем Сатана пожелал рассказать нашему другу, было чистой правдой.

Несмотря на намерения барона, рассказы его раба начались раньше, чем он предполагал.

Горе тому, кто получает от потусторонних сил возможность сорвать завесу тайны с человеческих поступков; не будет ему покоя, пока он не закончит опасный эксперимент. И двойное горе тому, кто уже уступил однажды такому соблазну, – чем больше пьешь из этого кубка, тем больше хочется. Как замечательно и искренне высказался об этой ничем не истребимой потребности один изрядно напившийся пьяница, которому я предложил шутки ради отве-
дать еще бордо:

– С удовольствием; ибо нет ничего более возбуждающего жажду, чем бутылочка вина.

Однако вовсе не жгучее желание толкнуло Луици к просьбе о первом глотке губительного зелья, отпущенного ему впоследствии Дьяволом в изобилии. Никак не предвиденное обстоятельство раньше времени возбудило казавшееся ему безопасным любопытство, которое завело его так далеко.

Луици происходил из знатного рода и обладал большим состоянием; первые люди Тулузы, где так много аристократических семейств, искали с ним сближения, а преуспевающие коммерсанты стремились наладить деловые отношения. Отдаленное родство связывало Армана с господином маркизом дю Велем. Это имя, которое кажется столь буржуазным, если написать его без благородной частицы «дю», принадлежало одной из боковых ветвей древней княжеской фамилии. Постепенно исконная фамилия утерялась, и каждая ветвь обширного

³¹ *Гризетка*. – Так в XIX веке называли молодых девушек из городской ремесленной (работница, швея) среды, хорошеньких и кокетливых, которые использовали свои чары для укрепления материального положения, заводя себе более обеспеченных любовников. В это время были популярны куплеты Дезожье, иронически-сочувственно описывающие гризеток: «Платьице с красивой оторочкой, / Шляпка из соломки или капорок, / Поясочек с пряжкой, тонкие чулочки, / Волосы волнами на воротничок, / Тут и там – прелестные безделки... / Вот наряд гризетки очень точный!» (Пер. Н. Пахсарьян.)

³² ...маркиза из «Опасных связей»... – «Опасные связи» (1782) – эпистолярный роман французского писателя Шодерло де Лакло (1741–1803); Маркиза – героиня этого романа – маркиза де Мертей.

³³ ...поступают... как маркиза... с Превалем... – Сулье допускает ошибку: он имеет в виду не Гильберта де Превала – известного врача кон. XVIII века, друга писателя Ретифа де ла Бретонна, а Превана – героя «Опасных связей», фигурирующего в эпизоде, описанном в 85-м письме романа (от маркизы де Мертей к виконту де Вальмону).

рода приняла вместо нее ту, что поначалу лишь отличала ее от других ветвей. Но когда возникла необходимость засвидетельствовать благородное происхождение, в договоры заносилась та почти забытая фамилия; и, несмотря на вроде бы купеческие прозвища, господа... дю Валь... дю Мон... дю Буа чувствовали себя более высокородными³⁴

³⁴ ...господа... дю Валь... дю Мон... дю Буа чувствовали себя более высокородными... – Частица «де» («дю») перед фамилией обычно обозначает во Франции принадлежность к дворянскому сословию, указывая на ту землю (имение), владение которой и обеспечивает титул. Однако приведенные фамилии, распространенные в буржуазной среде, переводятся как «с долины, с горы, из лесу», не указывая на конкретное землевладение, то есть не являются дворянскими, хотя созвучны им. Сулье, хотя и придерживается либеральных взглядов, явно предпочитает настоящую аристократию мнимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.